

Оглавление

Предисловие	7
Глава первая. Я родился дважды	11
Глава вторая. Чинарь-взиральник	82
Глава третья. Три левых года	165
Глава четвертая. Под знаком Ежа и Чижа	244
Глава пятая. Даниил во рву львином	294
Глава шестая. Равновесие с небольшой погрешностью	359
Глава седьмая. Время еще более ужасное	449
Глава восьмая. Представление наше кончается	490
Заключение	533
Библиография	541
Указатель упоминаемых лиц	549
К иллюстрациям	573
Об авторе этой книги	574

Глава первая

Я родился дважды

1 Сто лет назад участок Петербурга между Конной площадью (иначе Казачий плац) и рекой Монастыркой был застроен домами лимонного цвета с треугольными фронтонами, в духе николаевского казарменного ампира, и темно-красными зданиями из необлицованного кирпича — образчиками казенной архитектуры более позднего времени. (Ни площади, ни идущей вдоль нее Константиноградской улицы, ни перпендикулярной к ней Глинской улицы сейчас нет на карте города, но на территории занявшего их место Котлотурбинного института сохранились некоторые из этих невеселого вида построек.)

Окна многих из них были затянуты решетками. Здесь были Арестный дом, пересыльная тюрьма, тюремная больница... Одно из этих тюремных зданий, волей судьбы оставшееся по ту сторону институтской стены (в туписке, которым заканчивается сейчас Миргородская улица), и по сей день используется по назначению. А прямо напротив, за стеной, виден верхний, третий, этаж длинного дома в “кирпичном стиле”. Об этом доме — когда-то №1 по Глинской улице — и пойдет сейчас речь.

Дело в том, что кроме тюрем, кроме Атаманского казачьего полка (по которому плац получил свое название) в этом забытом Богом уголке столицы, куда редко ступала нога случайного пешехода, располагались еще и благотворительные учреждения, имевшие отношение к тюремному ведомству. В их числе были Приют для арестантских детей и Убежище для женщин, вышедших из тюрем Санкт-Петербурга.

Оно и находилось в доме номер 1 по Глинской улице; в ведении Убежища было еще два дома, до нас не дошедших. Приют носил имя известного благотворителя принца Петра Георгиевича Ольденбургского, сына великой княгини Екатерины Павловны; убежище (как и другие учреждения Дамского благотворительного тюремного комитета) состояло под покровительством

его невестки, принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской (1845–1928), урожденной герцогини Лейхтенбергской. Евгения Максимилиановна была дочерью великой княгини Марии Николаевны и ее супруга, герцога Максимилиана Лейхтенбергского. (Если имя матери сохранилось в названии Мариинского дворца и Мариинского театра, то памятником рано умершему отцу стала Максимилиановская больница, основанная, как и целый ряд других богоугодных заведений и школ, рачением дочери-филантропки.)

Когда в 1872 году Убежище на Глинской было учреждено, цели его формулировались так:

Немало женщин, содержащихся в местах заключения, подверглись наказанию за преступления, совершенные ими вследствие недостатка средств к существованию и бедственного положения. Труднее еще становится положение выходящих из тюрьмы, без всяких средств существования, без приюта, встречающих в обществе не только равнодушие и недоверие, но и презрительный отказ от предложения услуг и работы. Такая отверженная, не имея возможности приобрести кусок хлеба честным путем... вновь впадает в преступление или становится на путь разврата. В эту минуту помощь, как нравственная, так и материальная, становится для нее совершенно необходимой¹.

В 1898 году в Убежище содержалось единовременно до восьмидесяти женщин. За год через Убежище прошло сто двадцать человек². Вместе с некоторыми из женщин в Убежище содержались их маленькие дети. Годовой бюджет составлял 25 866 рублей, которые лишь частично погашались из средств благотворителей. Женщины сами зарабатывали себе на жизнь — занимались шитьем, стирали белье на заказ в устроенной при Убежище паровой прачечной. Половина заработка шла на общие нужды Убежища, остальное откладывалось на личный счет каждой из его обитательниц. Два часа в день занимали школьные занятия (Закон Божий, чтение, письмо, арифметика, “важнейшие сведения из истории России”). В течение полугода администрация Убежища подыскивала каждой из “несчастных” службу. Та вольна была принять предложение или отвергнуть его, но Убежище в любом случае покидала.

Трудно сказать, насколько эффективно работала эта система, успешно ли адаптировались недавние заключенные в вольной жизни. Но принцесса и ее помощницы, непосредственно организовывавшие Убежище, в любом случае делали дело полезное и важное. Весь район Конной площади напоминал царство мертвых. Ведь арест, осуждение — это и гражданская смерть. За рекой Монастыркой видны были клюквенно-красные, украшенные узор-

1 “Убежище для женщин, выходящих из тюрем Санкт-Петербурга”. СПб., 1872. С. 1–2.

2 “Благотворительные учреждения Российской Империи”. СПб., 1898. С. 671, 708.

Здание бывшего Убежища для женщин, вышедших из мест заключения, которым в 1900–1918 гг. заведовала Надежда Ювачева. Ныне — территория Котлотурбинного института им. И.И. Ползунова. Вид со стороны бывшей Глинской улицы.
Фотография М. Захаренковой, 18 апреля 2008 г.

чатой барочной лепниной и окруженные зелеными садами корпуса Александрово-Невской лавры. Монах тоже, как считается, умирает для мирской жизни. Но это другая смерть, добровольная и, по идее, радостная. Река как будто разделяла два загробных мира — райский сад и неказистый ад, пропахший городской пылью и навозом казачьих лошадей. Но именно отсюда дамы-благотворительницы пытались открыть женщинам, попавшим в тюрьму за мелкую кражу или за убийство незаконного ребенка (вряд ли среди них были матерые рецидивистки), дорогу обратно в мир живых — к новому, скром-

ному, может быть даже убогому, но все же нормальному, сколько-нибудь человеческому существованию.

В первые годы XX века Убежище возглавила Надежда Ивановна Колюбакина.

Дворянский род Колюбакиных, согласно родословной (выдуманной, скорее всего), происходил от некоего Францбека, сына властителя Флоренции. Точные сведения начинаются с Петровской эпохи. В 1722 году, во время Персидского похода, первый император роздал земли в Хвалынском уезде Саратовской губернии многочисленным служилым людям, среди которых были и Колюбакины. В конце XVIII века одна из деревень под Саратовом называлась Колюбаковка. Впоследствии эта деревня и несколько соседних слились в большое село Дворянская Терешка (ныне рабочий поселок Радищево). Именно там 29 сентября 1869 года Надежда Ивановна появилась на свет в семье Ивана Никитича Колюбакина, помещика, губернского секретаря, служащего в Хвалынской земской управе, и Варвары Сергеевны Богданович (по матери Рознатовской). В Дворянской Терешке сохранился дом Колюбакиных, на кладбище — семейный склеп.

В 13-летнем возрасте Надежда Ивановна по протекции статс-дамы Елизаветы Алексеевны Нарышкиной была определена в Екатерининский институт благородных девиц, курс которого окончила в 1887 году. С 1890-го она служила в Убежище, сперва — в качестве заведующей паровой прачечной. Служба эта давала ей не только моральное удовлетворение, не только чувство собственной полезности, но и какой-никакой заработок: семья Колюбакиных была небогатой, и в ней не только братьям, но и сестрам приходилось своим трудом добывать средства к существованию. Так, старшая сестра Надежды Ивановны, Наталья Ивановна, преподавала в гимназии в Царском Селе; среди ее учениц была Аня Горенко. Ну а в случае Нади Колюбакиной были особые причины, заставлявшие ее искать материальной независимости от отцовской семьи. О них — ниже.

Шестнадцатого апреля 1903 года 33-летняя Надежда Колюбакина вышла замуж за 43-летнего Ивана Павловича Ювачева, служащего Управления государственными сберегательными кассами, члена-корреспондента Главной физической обсерватории Академии наук и литератора. Знакомство их состоялось в доме княжны Марии Михайловны (см. ниже) Дондуковой-Корсаковой (1827–1909), дочери адресата беспардонной пушкинской эпиграммы, чистой душой 75-летней энтузиастки, много сделавшей для моральной и физической поддержки политических узников. Ювачев, член Благотворительного тюремного комитета, а в прошлом — сам заключенный и каторжанин, относился к ней с благоговением. К Надежде Ивановне старая княжна испытывала, судя по всему, почти материнские чувства. На Пасху 1902 года будущие супруги Ювачевы похристосовались. С этого пасхального поцелуя и началось их общение.

Скорее можно говорить о влюбленности или увлечении со стороны Надежды Ивановны: она искала встреч с Иваном Павловичем, настойчиво при-

глашала его в гости в Убежище, покупала билеты в Мариинский театр и звала Ювачева с собой, посещала домашние салоны и Религиозно-философские собрания, завсегдатаем которых был он (да, те самые собрания, инициаторами которых были Мережковский, Гиппиус, Розанов, а гостями — самые разные люди, вплоть до еще неизвестного Георгия Гапона, с которым Ивану Ювачеву приходилось сталкиваться и в других местах).

Мария Михайловна Дондукова-Корсакова была среди тех, кому Надежда Ивановна поверила свою невеселую женскую тайну. О тайне этой, о драме, пережитой будущей госпожой Ювачевой в молодости, впервые стало известно из письма, написанного ей будущим мужем 8 января 1903 года — в ответ на ее не дошедшее до нас письмо с признаниями.

Дорогая Надежда Ивановна!

Никакая фантазия до этого, что я узнал, не может додуматься...

Прямо страшный факт!

Из письма, положим, не знаешь подробно картины... Вообще не ясно. И даже сомневаешься в своей догадке: да так ли? Вот почему хотелось бы спросить Вас о некоторых подробностях (сколько Вам было лет тогда, под каким влиянием это было сделано, как Вы отнеслись к нему, какие результаты). Что делать, к сожалению, я узнал об этом. И, конечно, лучше знать всю правду, чем давать волю фантазии и подозрениям.

Но позвольте Вам заметить: зачем Вы говорили об этом Владыке¹, Мар<ии> Михайловне и другим! Эту тайну Вы одни должны были знать и схоронить в себе. Раз знают об этом 5 человек, то трудно ручаться, что не будут ее знать 10–20 и больше. Как-никак, а этот факт — пятно на Вашем отце. И выставлять напоказ это пятно не следует. Власть отца над дочерьми громадна. Его судить мы не смеем. Вино чего не сделает! Вы помните библейский пример с Лотом... Но ведь моаветянка Руфь была прабабушкой возлюбленного Давида и праматерью Иисуса Христа. Так что благословение Господне от Вас не отнимется. Напротив, если Вы со смирением перенесете обиду, то Господь воздаст Вам сторицею.

Итак, насколько это Вам возможно, свяжите обетом молчания всех лиц, кому это известно, и больше об этом никому ни слова. На отца не обижайтесь. Какой бы ни был отец — все-таки он отец. И судить человеческие слабости нам нельзя. Разве Вы осуждаете Адама? А ведь он виновник всех наших бед... Да будет во всем воля Божия. Ему Одному ведомы неисповедимые пути, которыми Он нас ведет к спасению.

¹ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (с 1898 г.) Антоний, в миру А.В. Вадковский (1846–1912), принимал участие в судьбах работниц, живших в Убежище для женщин, чем и объясняется близкое знакомство с ним Н.И. Колубакиной. Упоминается в переписке Ювачева с Колубакиной этого времени.

Надежда Ивановна Ювачева, 1910-е годы.

Что касается моего отношения к Вам, то это сообщение только заставляет еще более сочувствовать Вам, сострадать, соболезновать. Страхните с себя всякую мысль об этом прошлом и не думайте никогда впредь.

Действительно, Вам нечего краснеть перед обществом. Итак, забудьте всё, выкиньте всё вон из головы. И да хранит Вас Матерь Божия под кровом Своим в мире и любви.

Сердечно преданный Иван Ювачев¹.

¹ Цит. по: Строганова Е. Н. *К биографии Даниила Хармса: Предыстория семьи в письмах родителей* // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. статей к 60-летию Александра Федоровича Белоусова. СПб., 2006. С. 313–314.

Более внятно все объяснено в дневниковой записи Ювачева за этот день, которая увидела свет в 2017 году: «...Дома прочел письмо митрополита, из которого узнал, что отец Над<ежды> Ив<ановны> изнасиловал ее, когда ей было 13 лет. Он был кутила-пьяница. Отец покушался с этим еще другой раз (в Москве, кажется, в номерах), но Н<адежда> Ив<ановна> воспротивилась. Отец умер в тот же год от воспаления легких. С тех пор она ненавидит дом свой (между Сызранью и Хвалынском) и даже мать свою. Я под впечатлением прочитанного написал ей письмо. Просил ее забыть прошлое и примириться с родными»¹.

Позже, уже женившись на Надежде Ивановне, Иван Павлович так описывает ее жизнь:

Отец обидел ее навек грехом Лота. Мать ее не любила. Все ее называли дурой, и не дали ей образования. Она была несчастна в семье своей. Принуждена была уйти от нее в Спб, где на полной свободе не могла, конечно, удержаться от соблазнов... Встретилась со мною. Она была поражена моим вниманием к ней как к человеку. К тому же она встретила нового, интересного человека и, вероятно, влюбилась искренно... Когда я предложил жениться, она сама испугалась этого факта².

Так или иначе, в конечном итоге Надежда Ювачева обрела то, о чем мечтают многие женщины: вышла, пусть в далеко не юном возрасте, замуж за любимого человека и стала матерью.

Госпожа Ювачева рожала пять раз. Первый сын, Павел, родившийся в 1904 году, прожил всего несколько месяцев (Надежда Ивановна не могла простить себе, что не уберегла ребенка). Но 17 (30) декабря 1905 года в служебной квартире на Глинской улице родился еще один мальчик, которого называли Даниилом.

2 Даниил Хармс описывал свое появление на свет так:

...Я родился дважды. Произошло это вот так.

Мой папа женился на моей маме в 1902 году, но меня мои родители произвели на свет только в конце 1905 года, потому что папа пожелал, чтобы его ребенок родился обязательно на Новый год. Папа рассчитал, что зачатие должно произойти 1-го апреля, и только в этот день подъехал к маме с предложением зачать ребенка.

¹ Ювачев И. П. *Собрание дневников в десяти книгах*. М., 2017. Кн. 4: 1902–1905. С. 166.

² Ювачев И. П. *Собрание дневников в десяти книгах*. М., 2018. Кн. 5: 1905–1909. С. 130.

Первый раз папа подъехал к моей маме 1 апреля 1903 года. Мама давно ждала этого момента и страшно обрадовалась. Но папа, как видно, был в очень шутовском настроении и не удержался и сказал маме: “С первым апрелем!”

Мама страшно обиделась и в этот день не подпустила папу к себе. Пришлось ждать до следующего года.

В 1904 году, 1-го апреля, папа начал опять подъезжать к маме с тем же предложением. Но мама, помня прошлогодний случай, сказала, что теперь она уже больше не желает оставаться в глупом положении, и опять не подпустила к себе папу. Сколько папа ни бушевал, ничего не помогло.

И только год спустя удалось моему папе уломать мою маму и зачать меня.

Итак, мое зачатие произошло 1 апреля 19<0>5 года.

Однако все папины расчеты рухнули, потому что я оказался недоноском и родился на четыре месяца раньше срока.

Папа так разбушевался, что акушерка, принявшая меня, растерялась и начала запихивать меня обратно, откуда я только что вылез.

Присутствовавший при этом один наш знакомый студент Военно-медицинской академии заявил, что запихать меня обратно не удастся. Однако, несмотря на слова студента, меня все же запихали, но, правда, как потом выяснилось, запихать-то запихали, да второпях не туда.

Тут началась страшная суматоха.

Родительница кричит: “Подавайте мне моего ребенка!” А ей отвечают: “Ваш, — говорят, — ребенок находится внутри вас”. — “Как! — кричит родительница. — Как ребенок внутри меня, когда я его только что родила!”

“Но, — говорят родительнице, — может быть, вы ошибаетесь?” — “Как, — кричит родительница, — ошибаюсь! Разве я могу ошибаться! Я сама видела, что ребенок только что вот тут лежал на простыне!” — “Это верно, — говорят родительнице, — но, может быть, он куда-нибудь заполз”. Одним словом, и сами не знают, что сказать родительнице.

А родительница шумит и требует своего ребенка.

Пришлось звать опытного доктора. Опытный доктор осмотрел родительницу и руками развел, однако все же сообразил и дал родительнице хорошую порцию английской соли. Родительницу пронесло, и таким образом я вторично вышел на свет.

Тут опять папа разбушевался, дескать, это, мол, еще нельзя назвать рождением, что это, мол, еще не человек, а скорее наполовину зародыш и что его следует либо опять обратно запихать, либо посадить в инкубатор.

И вот посадили меня в инкубатор

<...>

Через четыре месяца меня вынули из инкубатора. Это сделали как раз 1-го января 1906 года. Таким образом, я как бы родился в третий раз. Днем моего рождения стали считать именно 1 января.

Этот текст (датированный 1935 годом) — литературное произведение, никак не соотносящееся с реальностью: даже год свадьбы родителей другой. Да и дату своего рождения Хармс называет неточно. Однако эта неточность была уже не литературной, а бытовой: почему-то Хармс предпочитал отмечать свой день рождения 1 января, после Нового года, хотя в паспорте его значилась верная дата. А вся история отдает бурлеском в духе Рабле, вообще-то Хармсом не очень любимого. Своим друзьям, Леониду и Тамаре Липавским, двумя годами раньше Даниил Иванович сообщил другую, еще более эксцентрическую, версию своего рождения:

Я сам родился из икры. Тут даже чуть не вышло печального недоразумения. Зашел поздравить дядя, это было сразу после нереста, и мама лежала еще больная. Вот он и видит: люлька, полная икры. А дядя любил поест. Он намазал меня на бутерброд и уже налил стопку водки. К счастью, вовремя успели остановить его, потом меня долго собирали... Родители долго избегали ставить меня в угол, так как я прилипал к стене.

В виде икры, “в бессознательном состоянии”, Даниил Иванович, по собственным словам, пробыл “до окончания гимназии”.

Можно искать в этих историях какое-то иносказание, намек на какие-то реальные обстоятельства (например, на умершего в младенчестве брата, на литературную инициацию, наступившую в поздние школьные годы), но, наверное, с учетом поэтики Хармса, правильнее воспринимать их как “вещь в себе”. Речь в них идет о том и только о том, какое это странное и смешное существо — человек, и как относительно привычные взгляды на его рождение, тело, сознание. Но почему именно о своем младенчестве и детстве любил Даниил Иванович рассказывать подобное?

Вероятно, подлинная история семьи Ювачевых больше заинтересовала бы его собеседников. Потому что на самом-то деле это была довольно необычная семья.

Не совсем обычна была служба матери и связанное с ней окружение. Но уж совсем необычной была личность и судьба отца.

Иван Павлович Ювачев родился 23 февраля 1860 года в семье придворного служителя.

Петербургский исследователь Николай Матвеевич Кавин восстановил историю рода Ювачевых в нескольких поколениях.

Иван Андреевич и Акилина Борисовна Ювачевы, прадед и прабабка Хармса, были крестьянами Санкт-Петербургской губернии. Один из их трех сыновей (и шести детей), Павел Иванович Ювачев, 1820 года рождения, не позднее 1840 года стал придворным полотером. В 1866 году он, уже по возрасту для полотерского дела негодный, получил новое назначение:

Иван Павлович Ювачев, не позднее 1883 г.

капельдинером царской ложи в Мариинском театре. Там он служил до отставки, после которой продолжал жить в казенной квартире напротив Аничкова дворца. Родственники бабки Хармса, урожденной Дарьи Харламовой, также, по-видимому, были дворцовыми служащими. Павел Ювачев дожил до старости, умер 24 июля 1903 года и был похоронен рядом с родителями на кладбище в селе Никольском. Могилы Ювачевых сохранились, Кавин нашел их. (Я хорошо помню это кладбище — на холме, над округлыми перелесками, над буроватыми водами Тосны: в 1990-е годы я в течение нескольких лет подолгу жил в ближайшем к нему доме — не догадываясь, что это место как-то связано с судьбой Хармса.)

Детей в семье было шестеро: дочь Анна (по мужу Чернышева) и пять сыновей. Виктор Иванович стал врачом-венерологом, а Андрей, Михаил

и Петр, продолжая семейную традицию, служили в разных чинах по дворцовому ведомству. Андрей и Михаил умерли в 1900-е годы, а Петр Павлович — в блокаду, в один месяц со своим племянником Даниилом.

Лишь одному из сыновей Павла Ивановича выпала необычная жизнь. Может быть, даже не одна — несколько жизней.

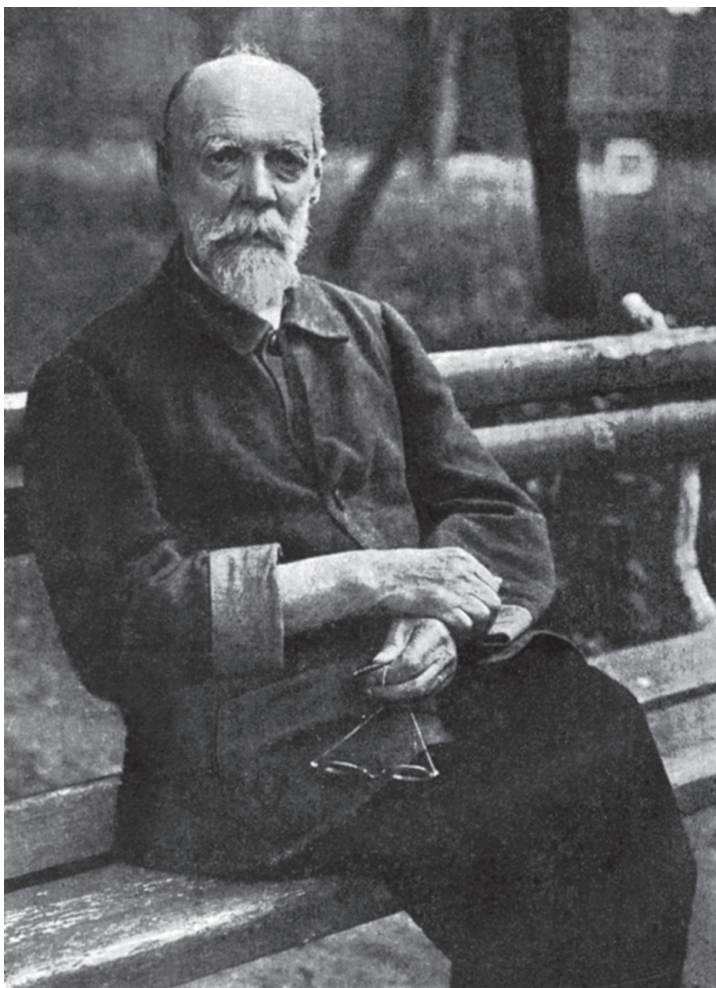
Придворные слуги имели возможность дать своим детям очень недурное образование — для своего сословия, разумеется. Иван Ювачев сперва хотел стать лесничим, но страсть к морским путешествиям, обычная для подростка, пересилила. Четырнадцать лет от роду, после окончания Владимирского уездного училища, он поступил в Техническое училище морского ведомства по штурманскому отделению. Среди товарищей, с которыми Ювачев сблизился в училище, был, между прочим, М.О. Меньшиков, впоследствии известный публицист. По иронии судьбы, именно Меньшиков, в зрелые годы — консерватор черносотенного склада, впервые познакомил Ювачева с нелегальной литературой.

По окончании училища Ювачеву было предложено участие в кругосветном плавании, но он подал прошение о назначении в Черноморский флот, надеясь принять участие в войне с турками. Вместе с тремя товарищами был отправлен в Николаев; в настоящих военных действиях участвовать ему не пришлось, но несколько месяцев спустя 18-летний Ювачев совершил морской рейд на шхуне “Казбек”, которой доверили “занятие” отошедшего к России по Сан-Стефанскому договору Батума. Этой акции начальство придавало важное значение “ввиду возможности сопротивления местных горцев, фанатичных мусульман”¹.

Ювачев окончил училище с чином кондуктора, а затем был произведен в прапорщики флота². Этот чин получали лишь “белопогонники”, офицеры инженерной службы. Между ними и “желтопогонниками”, собственно морскими офицерами, существовал жесткий антагонизм. “Желтопогонники”, высокородные питомцы Морского корпуса, третировали выпускников технических училищ, в которые принимали выходцев из низших сословий. Их медленнее производили в следующий чин, они не становились автоматически членами морского клуба. Однако с заменой парусного флота паровым значение “белопогонников” на флоте все возрастало, и, естественно, они были раздражены своим неполноправным положением. Неудивительно, что многие из них увлекались левыми идеями. Молодые офицеры, ощущавшие себя наследниками декабристов, вели далекоидущие политические разговоры. Но у первых русских революционеров были и другие наследники, свирепые и решительные. Недавно прозвучал взрыв на Екатерининском ка-

1 Ювачев И.П. *Из воспоминаний старого моряка* // Морской сборник. Л., 1927. № 10. С. 10.

2 Государственный архив Тверской области (далее — ГАТО). Ф. 911. Оп. 1. Д. 13.

Михаил Ашенбреннер, 1920-е

нале... Методы “Народной воли” не вызывали отторжения у военной молодежи. По воспоминаниям Ювачева,

пропаганда либеральных идей велась довольно свободно. Никакой осторожности. Все знали, что такой-то сочувствует социалистам. Я сам позволял себе, например, такие вещи. Попала в мои руки фотография Софьи Перовской. Иду в первую попавшуюся фотографию к незнакомому человеку и прошу его сделать дюжину снимков, с наклейкою их на чистый картон без указания фирмы фотографии (потому что это изображение известной преступницы).

Или, бывало, иду к незнакомому переплетчику и даю ему переплести книгу с предупреждением, чтобы он шил ее сам, а не давал бы своим подмастерьям, потому что эта книга запрещенная. И все сходило благополучно¹.

Радикальные воззрения прапорщика Ювачева не остались без внимания начальства, и вскоре он был списан на берег — помощником начальника метеорологической станции в Николаеве (знал бы он, как позднее пригодится ему этот опыт). Но это не уберегло молодого офицера от крамолы: напротив, именно в Николаеве он познакомился с полковником Михаилом Юльевичем Ашенбреннером, лидером подпольной военной организации, входившей, говоря языком нашего времени, в “террористическую сеть”². По предложению Ашенбреннера, кроме основного кружка, было создано еще несколько; Ювачев возглавил кружок военных моряков. Никаких насильственных действий офицеры не предпринимали. По воспоминаниям Ивана Павловича, у общества

не было определенной программы: цели, казалось, были еще так отдалены и расплывчаты, что говорить тогда о чем-либо строго определенном нельзя было. Одно ясно: Правительство опирается на штыки, следовательно, надо постараться повернуть эти штыки против него самого. Поэтому пока остается одно: среди войск вести антиправительственную пропаганду³.

Для наполовину разгромленной после 1 марта революционной партии военные кружки были полезным приобретением. Ценным приобретением был и сам Ювачев — ведь окна квартиры, в которой жили его родители, были расположены так, что из них легко можно было сбросить бомбу на выезжавшую из ворот карету царя. С кем-то из товарищей по подполью Иван Павлович успел поделиться этим наблюдением — и потом горько переживал из-за этого.

Лично Ювачев встретился лишь с одним из вождей “Народной воли”. Это произошло в Одессе в 1882 году; петербуржца звали Сергей Петрович Дегаев. Он предложил членам военной организации отказаться от пропаганды и перейти к террору. Безразлично, удастся или нет теракт, — важно показать обществу, что организация жива. Эти предложения были военными отклонены; более того, они вызвали у них подозрения. Как оказалось, справедливые... Дегаев был провокатором — и в том специфическом значении, которое имело это слово в российской революционной среде (то есть осведомителем полиции), и в прямом, словарном (то есть человеком, с задней мыслью подбивающим других на заведомо вредные и опасные для них поступки).

¹ Ювачев И.П. *Из воспоминаний старого моряка*. С. 81.

² См.: Ашенбреннер М.Ю. *Военная организация Народной воли и другие воспоминания*. М., 1924. С. 24, 106–114, 170–173.

³ Ювачев И.П. *Из воспоминаний старого моряка*. С. 81.

Ветераны-политкаторжане Михаил Фроленко (слева) и Иван Ювачев
у стен Шлиссельбургской крепости, 19 июня 1929 г.

Завербовал его сам глава сыскного ведомства Георгий Судейкин (отец художника-мирискусника). По показаниям Сергея Петровича были арестованы руководители организации, в том числе Вера Фигнер (с которой Ювачев — и это было роковым для его последующей судьбы — успел вступить в переписку) и ряд руководителей рангом поменьше. У руля “Народной воли” встал сам Дегаев. По мнению большинства историков, ликвидировать революционную партию до конца Судейкин пока не собирался: террористы нужны были ему для устранения конкурентов по службе. Считается, что у полковника был детально разработанный план: с помощью направляемых терактов он собирался добраться до вершин власти¹. План этот не удался — народовольцы “разоблачили” Дегаева, но разрешили ему отправляться на все четыре стороны, если он убьет Судейкина. Что и было исполнено... Но “Народной воле” был нанесен тяжкий удар, физический и моральный, и к 1884 году она была разгромлена окончательно.

В числе жертв Дегаева и Судейкина оказался Иван Ювачев, в конце 1882 года откомандированный в Петербург, в Морскую академию. Он был арестован 13 августа 1883 года, судим на так называемом “процессе 14” и 28 сентября 1884 года приговорен к смертной казни “за сношения с государственными преступниками бывшим лейтенантом флота Бунцевичем и Верою Филипповой-Фигнер”. Тщетно Иван Павлович доказывал, что “ни Бунцевича, ни Фигнер никогда не видел даже на фотографии”². 6 октября смертная казнь была заменена бессрочной каторгой. Что, впрочем, все равно совершенно не соответствовало тяжести преступления, тем более что участники ювачевского кружка отделались административной ссылкой или просто увольнением с флота.

На настоящие каторжные работы революционеров при Александре III отправляли редко, предпочитая держать их в одиночном заключении в Шлиссельбурге. Ювачев провел там год и десять месяцев, всего же его тюремное заключение длилось почти четыре года. Именно в эти годы с ним произошло религиозное обращение. Поначалу единственной доступной ему книгой была Библия. Несколько позже заключенным революционерам разрешено было читать без ограничений книги из тюремной библиотеки и заниматься собственными литературными трудами. Получив возможность пользоваться словарями, Ювачев задумал заново перевести с греческого языка Евангелие. Язык Эллады Иван Павлович к тому времени освоил самостоятельно: в Морском техническом училище его, конечно, не преподавали. Позднее он так же самостоятельно, по пособиям, изучал древнееврейский.

Узнав о благочестивых настроениях раскаявшегося арестанта (которые товарищами были восприняты как “помешательство на религиозной почве”),

1 Есть и другая точка зрения, согласно которой Судейкина, честного борца с революцией, оклеветали. К судьбе Ивана Ювачева это, впрочем, прямого отношения не имеет.

2 Ювачев И.П. (Миролюбов И.П.). *Шлиссельбургская крепость*. М., 1907. С. 5.